

МАТВЕЕВ КУРГАН. В нашей фронтовой судьбе этот поселок занимает особое место. 339-я стрелковая дивизия, в составе которой мы находились, вступила в него морозной декабрьской ночью: сорок первого. Подоженный немецкими факельщиками поселок горел. Мы с ходу пытались выйти на миусские высоты: но залегли, встретив долговременные укрепления гитлеровцев. Потом бои 8 марта, длительная оборона под Рязным и Рясным вплоть до наступления немцев в 1942 году. В общем, почти полгода в окрестностях Матвеева Кургана мы сроднились с этой землей, с жителями прифронтовых сел, вместе с нами, солдатами, делившими тяготы войны. И сколько же волнующего, часто грустного и горького, но всегда, как юность, дорогого оживало в памяти, когда в послевоенные годы я на всегда нашел этот уголок Примиусья!

Приезжал туда в солидной ветеранской компании. Со мной был командир батальона Нил Александрович Зайцев (он умер два года назад), солдат моей роты Хамзет Лийкович Капов, и конечно нынешний спутник Илья Степанович Демченко. Нас бесконечно удивляла красота возрожденного поселка, но среди нови ориентируясь по Волковой горе, мы разыскивали следы своей фронтовой юности, зараставшие свои окопы, огневые позиции, командные пункты, криницы, возле которых подстерегали и брали «языков». Мы встречались с героическими матвеево-курганскими жителями, которые в огне мартовских боев выносили с кровавой долины Миуса наших солдат, перевязывали их раны, устраивали в своих мазанках госпитали.

Однажды, лет десять назад, с той же фронтовой дружиной я заглянул в Рясное, село, восточнее которого в заброшенной каменоломне находились позиции моей роты от середины весны до июля сорок второго. Это был единственный участок отбитый у противника во время нашего мартовского наступления соседом — 30-й Иркутской дивизией. Там, на поле перед карьером, совершил бессмертный подвиг политрук Гардеман, вступивший в единоборство с немецкими танками. Мои автоматы сменили роту 30-й дивизии промозглой апрельской ночью. А утром обнаружили, противник перед нами, на курганчике, буквально в полусотне метров. Начались контратаки, ночные вылазки немцев, пытавшихся вернуть карьер. Не раз приходилось тогда вызывать огонь стоящей позади батареи Демченко.

— Выручай, Илюша! Тогда в первую послевоенную поездку в Рясное, каменоломня выглядела почти такой как была тридцать лет назад. Мертвое каменное крошево, перемешанное с осколками мин, снарядов, пуль. Лишь посередине карьера зеленело высокое вроде бы незнакомое дерево.

— Это же она — воскликнул Хамзет Капов. — Шелковица! Помнишь, командир, ты приказывал срубить...

Из почты «Сына Отечества»

СОЛДАТСКОЕ НАШЕ СПАСИБО

Я сориентировался, нашел впадину — место своего блиндажика. Да, Хамзет прав: именно та шелковица. Крохотным кустиком росла она среди камней рядом с КП и дотом. Единственно зеленое пятно. Оно могло быть ориентиром для немцев. И однажды я приказал Капову срубить этот куст. Утром смотрю: ветки куста пригнуты к земле и весь он со стороны немцев обложен камнями.

— Фрицы теперь не выдают деревца, — объяснил Хамзет. А срубить не мог. Рука не поднимается. С ним как-то веселее на душе.

Вот этот куст, вымахавший в развесистое дерево, и встретил нас в каменоломне. Встретил как добрый знакомый. Потом в следующие посещения мы приводили к шелковице школьников, проводили под ней «уроки мужества». Сама земля начиненная железом, говорила за нас. Но с каждым приездом каменоломня сужалась, тесня поля подсобного хозяйства Таганрогского комбайнового завода, механизаторы засыпали края карьера землей, органикой. Все шло к тому, что скоро карьер сольется с полем. Не оставят, выкорчуют, видимо, и шелковицу. А нам, ветеранам, она ведь дорога, как реликвия. Как-то я сказал о том секретарю парторганизации подсобного хозяйства Юрию Терентьевичу Торопу. Шутя добавил: «Мы, ветераны, готовы сложиться и выкупить этот квадратный метр карьера с деревом».

— Земля государственная, — ответил Тороп. — Постараемся сохранить вашу память, не разорять кармана.

Разговор этот вспомнился теперь, спустя пять лет перед поездкой в Матвеев Курган с ростовских торжеств осенью 1981 года посвященных первому контрудару Советской Армии под Ростовом. В честь этой славной даты в истории Великой Отечественной войны, в Ростове собрались — участники героического сражения — ветераны 36-й армии и 339 стрелковой дивизии. Здесь вновь я встретился с однополчанином, бывшим командиром батареи Ильей Степановичем Демченко, приехавшим из Сочи.

Утро в день поездки выдалось хмурым, туманным. Однако, перед Матвеево-Курганом выглянуло солнце и поселок предстал перед нами во всей своей южной красе. Мы возложили венки к подножию мемориала, посетили экспозицию музеев райвоенкомата, потом разошлись по школам и учреждениям. В теплых встречах экскурсиях время летело незаметно. И вот объявление: «Дальше по маршруту — Рясное». Минут двадцать спустя я и Демченко уже пожимали руки

старым друзьям, партнёру Торопу, его супруге — директору школы. Я расспрашивая о делах, здоровье, боясь спросить о деревце. Ведь ответ мог быть неутешительным. Тороп видимо, понимая это, опередил:

А дерево ваше целехонько. Ограда вокруг него сделана.

— Неужто?

— Можно проехать, убедиться.

Газик, упорно одолевая раскисшую полевую дорогу, пробирается на восток. И вот она — каменоломня. Она еще более сузилась, стесненная полем. От нее остался только небольшой островок. На нем — она, наша родная шелковица. Она и впрямь окружена деревянной оградкой. За оградой — вокруг хвосты мин, рваные осколки снарядов, ржавые пулеметные ленты. Дерево поднималось будто из железа. Я с волнением прикоснулся к его ветвям.

— Одно не пойму, — говорит между тем Тороп, — откуда здесь железобетон?

Он показывает на глубокую выемку возле оградки, в которой белело несколько бетонных балок.

— Так это же остатки нашего дота!

Но что стало потом с ним? В прежние посещения каменоломни я никак не мог обнаружить его остатков. Казалось, он исчез бесследно. И вот теперь его детали, белые, омывые дождями, проглядывали в слое плитняка. Я прикоснулся к ним руками, попытался поднять балку. Тяжеловатой она оказалась теперь не то, что в солдатской юности.

Мы вернулись в Рясное. Я поблагодарил руководителей подхода за бережное наше солдатское дерево.

О многом говорит эта простенькая оградка вокруг дерева и прежде всего о чутких сердцах, отзывчивости, понимании долга перед теми, кто сражался на вашей земле. Хочу поблагодарить еще ребят Комбайновской школы. Ведь это они ухаживают за деревом. Приятно знать, что в Рясном так хорошо поставлено военно-патристическое воспитание молодежи. С юбилеем пионерской организации, юные друзья! Мы, ветераны, еще встретимся с вами. Мы соберемся под сенью ряснянской шелковицы. Под шелест ее листьев вспомним о былом, расскажем вам о подвигах наших солдат, дорогой ценой отстоявших для вас мир, счастье, солнце.

А. ГОЛУЗОВ,
ветеран войны и труда,
участник боев на Миусе, член
Союза журналистов СССР.